

Веселая офисная ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Агата Богатая

18+

Агата Богатая

Веселая офисная жизнь

«Автор»

2024

Богатая А.

Веселая офисная жизнь / А. Богатая — «Автор», 2024

В этой книге собраны странные и вечелые истории о моих коллеггах. Персонажах колоритных, интересных с житейской мудростью. Несмотря на интриги и самую настоящую подлость, которые царили в женском коллективе, есть много комичного. И таких моментов, по которым я скучаю. Кладезь талантов и настоящих самородков!Имена персонажей изменены. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Богатая А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Про одиночество	5
2. Нужна ли подработка на пенсии	7
3. Тяжело ли на пенсии	9
4. Как связан бардак и работа	11
5. Что такое Настоящая Женщина	14
6. Почему люди счастливы в бардаке	17
7. Про смерть	19
8. Про хабалок	21
9. Кто на самом деле абьюзер	24
10. Про врачей	27
11. Как оказывать влияние на окружающих	29
12. Кто делает карьеру	31
13. Как могут украсть наше благополучие	34
14. На что похоже счастье на пенсии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Агата Богатая

Веселая офисная жизнь

1. Про одиночество

В молодости, получив два высших образования, я тут же нашла работу по специальности, с маленьким окладом, но, поскольку у меня не было опыта, пришлось согласиться.

Спустя много лет, я дослужилась(моя карьера была связана с госслужбой) до хороших надбавок, получив за выслугу лет приличную должность и чин.

И так случилось, что в кабинете я оказалась одна, и только через время именно ко мне переселили мою начальницу Веру Ивановну, которая была в опале и в очень плохих отношениях с самим руководителем.

Поскольку обычно спорила с Н.Н. (начальником ведомства, в котором я проходила службу), делала все по-своему, всегда опаздывала, хотя у нас за это строго наказывали, отлучалась по своим делам в течение рабочего дня, постоянно задерживалась после работы, поскольку не успевала закончить все вовремя.

А потому задерживала и самого Н.Н., ведь он должен был сдать объект на охрану, опечатав каждый кабинет.

Я вынуждена была сидеть допоздна вместе с Верой Ивановной, хотя моя основная работа была уже закончена, но, поскольку у нас ненормированный рабочий день, то я не могла отказаться от дополнительных заданий своей начальницы.

Собственно, и заданий то никаких не было. Как только все расходились по домам, Вера Ивановна ставила чайник, доставала очень вкусные конфеты из своей вместительной сумки и начинала свой монолог о жизни.

Она жила почти всю жизнь одна и сделала отличную карьеру, дослужившись до высшего офицерского звания. Дома мою собеседницу никто не ждал, и потому Вера Ивановна могла даже остаться до утра на работе. В буквальном смысле этого слова!

В наш кабинет она перенесла все свои вещи: пальто, брючные костюмы, сменное белье, плед, бигуди, подушку и даже раскладушку умудрилась пристроить за шкафом на всякий случай.

На работу она ездила каждый день на велосипеде, надевая спортивный костюм и переодеваясь в мундир к планеркам.

Как-то речь у нас зашла о мужчинах. В то время я была уже разведена. Брак мой был коротким и очень быстро распался по юности. Вера Ивановна тоже была когда-то замужем, и даже дочь родила, которую благополучно пристроила на воспитание своей маме.

Поскольку в приоритете у Веры Ивановны была карьера и статус. С мужем тоже не сложилось, хотя все мы, коллеги, его знали. Это был вполне симпатичный полковник, служивший в смежном ведомстве, который после развода так и не женился. Был остроумным и добродушным. И даже романы периодически крутил со своими же подчиненными.

Вера Ивановна сожалела о том, что по молодости была так категорична и не сохранила свой в общем то неплохой брак. И сейчас опять мечтала выйти замуж. Поскольку ей оставался год до пенсии и она не представляла, чем будет заниматься в однокомнатной квартире, где было неуютно и холодно.

Но разбитое не склеишь, слишком много накопилось у них с мужем противоречий, которые они не захотели решать. А потому так и остались в одиночестве, сожалея об этом.

Во всяком случае, слушая неугомонную Веру Ивановну, я делала вывод о том, что зря она закатывала скандалы и не могла найти подход к упрямому мужу. В принципе, полковник был мужем неплохим.

Ремонт не мог сделать и женщинам нравился, но каждый год их с дочкой вывозил к морю, был щедрым и веселым, и выпивал, но в меру.

Да, повторяла Вера Ивановна, разливая нам чай в красивые чашки, если бы молодость знала. И активно искала себе нового полковника, забывая о том, что их расхватали еще лейтенантами в молодости.

Романы у нее случались, но они так ничем и не закончились, оставаясь красивыми эпизодам в ее жизни. Ведь женщиной она была очень даже привлекательной и неглупой. Потому что Вера Ивановна, привыкнув к одиночеству, так и не научилась взаимодействовать с мужчинами, и как только кто-то поселялся в ее квартире, сетовала на то, что жить с кем-то – это сплошное неудобство.

И этому можно было верить, поскольку моя начальница не выдерживала не только мужчину на своей территории, но и дочку с внуком, которые приезжали к ней на юг погостить из большого и шумного города.

Дочь наводила порядок в ее холостяцкой берлоге, а потом Вера Ивановна не могла найти свои очки или лифчик, извините. А Мите, внуку, нужно было варить манную кашу и печь сырники, а она привыкла готовые обеды покупать в столовых.

Внук брал без спроса ее велосипед, чем выводил из себя Веру Ивановну, а еще не давал ей поспать в выходные до обеда и куда-то исчезал с соседскими мальчиками, а его бабушке приходилось беспокоиться и нервничать.

Нет. Она отвыкла от таких волнений, повторяла Вера Ивановна, когда выпроваживала вон своих загостившихся родственников.

И снова вздыхала о том, что ей одиноко. И найти бы для совместного проживания мужика, чтобы вместе разгадывать кроссворды по вечерам, кататься на велосипедах и обсуждать последние новости.

Через время, когда я уже уехала на Север, и приезжала к родителям на юг только в отпуск, я увидела свою бывшую начальницу в парке. Она была уже давно на пенсии, замуж так и не вышла. И одиноко кормила уличных кошек и голубей.

А, увидев меня, снова приглашала к себе в гости попить чай с вкусными конфетами и поболтать. И я опять слушала ее все тот же длинный монолог.

2. Нужна ли подработка на пенсии

Моя приятельница и бывшая коллега, Наталья Владимировна, вдруг исчезла из моей жизни, что ей очень свойственно. И опять появилась с поздравлениями к празднику, позвонив мне по телефону:

– Ты представляешь, я же на работу устроилась в офис на неполный рабочий день! К пенсии прибавка! – Выдает она.

– Ого! – Удивляюсь я. – Поздравляю! И как вам?

– Ой. С одной стороны нравится коллектив. Есть пару стерв, но я их игнорирую, а с другой стороны – расходы. Аванс тут же истратила.

– Ну деньги тратить вы умеете! – Смеюсь я.

– Утром всегда покупаю стаканчик кофе и пончик к нему, чтобы проснуться. В обед тоже иду на бизнес-ланч. Ну и колготки нужны, а они, зараза, рвутся! Плюс деньги с меня содрали на разные мероприятия в виде цветов и подарков. – Сетует Владимировна.

– А платить то что обещают? Смысл есть работать? – Интересуюсь я.

– Работа непыльная – на подхвате, типа курьера и завхоза в одном лице. Документы отнести, на почте письма забрать, канцелярию и моющие купить, что-то принести, подать. Обещали двадцать тысяч за неполный рабочий день. – Отчитывается Владимировна. – Иногда я после обеда уже свободна. Соц. пакет, разумеется и два выходных.

– Вроде бы нормально получается. Прибавка к пенсии. – Резюмирую я.

– Пенсия маловата, конечно, 27 тысяч всего, со стажем и северными. А у меня долги. – Вздыхает приятельница. Свет отключили вчера. И приставы опять донимают.

– А работу как нашли? – Продолжаю я.

– Соседка в центре занятости работает. Вакансии предложила. Никто за такие деньги из молодых работать не будет, конечно. А я согласилась. Целый день на ногах. Утром бегу в банк, потом в офисе ксерокопии снимаю, сортирую бумажки. Снова бегу с поручениями. На почте очередь иногда выстоять нужно. – Перечисляет работающая пенсионерка.

– Беготни много, конечно. – Соглашаюсь с ней я. – Вы еще не за рулем. Вам хоть проездной билет купили?

– Я по пенсионному везде мотаюсь. – Признается Владимировна. – Вчера каблук у сапога отвалился. Пришлось в мастерскую сдать. А это опять расходы. Еще и гардероб пришлось поменять. Белые блузки купить и юбку.

– Да уж. – Вздыхаю я. – Расходов пока больше, чем вы заработали – ремонт обуви, кофе на вынос, обеды в кафе, колготки, блузки, сборы на праздники.

– Все бы ничего. Да вот еще добираться далековато. Приходится на автобусе минут сорок туда, а потом обратно тащиться. – Сетует моя бывшая коллега.

– Вот это тоже некомильфо. – Соглашаюсь с ней я. – Время – драгоценный ресурс. А поближе нет ничего? Например, уборщицей на несколько часов устроиться?

– Да ты что! – Фыркает Владимировна. – Я всю жизнь в конторе просидела в кресле и вдруг буду тряпкой махать. А если кто увидит?

– Да какая разница, как зарабатывать? – Удивляюсь я. – У вас долги. От них нужно избавляться. И мыть полы лучше, чем носиться по всему городу курьером. Вы же уже не в том возрасте!

– Да. К вечеру я падаю замертво. И на секс у меня не остается сил. – Соглашается со мной Владимировна. – Мой Юра даже обиделся на меня. Я ему теперь не готовлю домашнее, а покупаю готовую еду. Времени нет стоять у плиты.

– Вы не обязаны Юре отбивные делать! Вы же не жена! – Кричу в телефон я.

– Хочу побаловать своего зайчика. Но не могу. Ноги гудят и руки не поднимаются. Возраст дает о себе знать. – Опять жалуется Владимировна.

– Может не стоит себя насиловать? – Предлагаю ей я. – Поискать более подходящий вариант?

– А кому мы нужны на пенсии? – Опять с тоской говорит моя приятельница. – Знакомая предлагала торговать выпечкой в магазинчике за тридцать тысяч. Но я не хочу за прилавком позориться.

– А что такого в работе продавца? Странная вы, однако! – Удивляюсь я.

– Не мое это – белые чепчики и передники. – Упирается Владимировна. – Хотя даже санитарную книжку работодатель за свой счет собирался сделать.

– Зря отказались. Все, что не продали, домой бы забирали. И Юре скармливали. Уже экономия на еде хотя бы. – Аргументирую я. – И контингент – мужики. Нашли бы кого-то на замену Юре.

– Да брось ты. Пока работаю. Там посмотрим. – Тяжело вздыхает бывшая коллега. – Пойду себя баловать. Юра мой пропал на восьмое марта, чтобы подарки не дарить. Я сама купила себе цветов. Сейчас зажгу благовония, налью полную ванну пены и буду балдеть, лежа с бокалом шампанского.

– Не увлекайтесь! – Предупреждаю ее я. – Вам завтра на работу.

– Эх... – Слышу я в ответ.

3. Тяжело ли на пенсии

Владимировна снова объявилась.

– Привет! – Радостно кричит в телефон она. – Я же уволилась с работы.

– Вас поздравить или ...? – уточняю я

– Даже не знаю. Потеряла прибавку к пенсии. Теперь масса свободного времени. Не знаю, чем заняться. – Отчитывается приятельница.

– А почему уволились? – Интересуюсь я.

– Если честно, то мне дали понять, что я не справляюсь. Наверное, такая беготня туда-сюда – это для молодых. Я несколько раз опоздала с документами, и на меня руководство наехало. Плюс немного повздорила за то, чтобы деньги не сдавать на всякую ерунду. – Пыхтит в телефон Владимировна.

– Вам свет подключили? Или так и сидите в долгах? – Спрашиваю я.

– Нашла электрика. Он мне подключил нелегально свет. А соседи на меня пожаловались.

В итоге пришлось еще и штраф платить. Опять у меня долги. – сетует пенсионерка.

– Пустили бы квартирантов, студентов, например, или вахтовиков. Их же постоянно нет дома. А у вас такая огромная квартира. – Предлагаю я.

– Ой. Нет. Мне будет некомфортно, если будут мелькать посторонние люди. – Возмущается Владимировна. – Я привыкла уже к одиночеству. Да Юре не понравится.

– Кстати, он объявился? Помню, вы говорили, что на восьмое марта пропал ваш любовник. И сами себе цветы покупали. – Смеюсь я.

– Ты опять ерничаешь! – Обижается моя бывшая коллега. – Объявился. Сказал, что с женой помирился. А сейчас опять в контрах вроде бы.

– А вам зачем его проблемы? Вы что бесплатный психотерапевт? – Удивляюсь я. – Если у него проблемы, он к вам бежит. А если все хорошо, то вас можно и проигнорировать.

– Привыкла я к нему уже. Все не одна. – Вздыхает стареющая любовница. – Хочется общения хоть какого-то. Внимания.

– Толку от вашего Юры то? – Не понимаю я.

– Молодая энергия. Задора. Секса. Легкости. – Перечисляет Владимировна.

– Вы ему еще, поди, пудинги и отбивные опять стряпали? – Продолжаю я.

– В этот раз картошку в духовке по-французски только с курицей делала. Но моему зайчику не понравилось. – Признается Владимировна. – Он ест только свинину.

– Если он так любит мясо, то пусть его покупает. – Раздражаюсь на альфонса почему-то я. – Зачем вы этому потворствуете?

– У него денег не было. Он же алименты платит на сына. Плюс жена сейчас не работает. – Объясняет моя приятельница.

– Очень хорошо! – Восклицаю я. – Жена не работает. А вы устроились на работу, чтобы Юре свинину покупать и на сигареты давать. Потому что он отдает все, что заработал в такси, своей Олесе. Вы меня удивляете!

– Да что ты драматизируешь! – Упирается Владимировна. – Мне не жалко помочь хорошему человеку.

– Но у вас долги! – Не сдаюсь я. – А вы спонсируете аферистов.

– Долги у меня были всегда. Куда от них деваться? Без этого жить не возможно. – Оправдывается приятельница.

– Открою вам секрет – возможно! – Еще больше раздражаюсь я.

– Но это не мой случай точно. Пока муж был живой, он все контролировал. А как умер он, так у меня и покатило все под откос. – сетует Владимировна.

– Но вы же бухгалтер, черт возьми! – Настаиваю я.

– Значит хреновый я бухгалтер. – Вздыхает моя бывшая коллега. – Ну ты, как обычно, испортила мне настроение. Прямо поговоришь с тобой, и все плохо.

– А что хорошего в долгах и в том, что вас преследуют приставы? – Аргументирую я.

– Да при чем тут долги? Что ж теперь на них заикнуться что ли? Не встречаться с любовником? Не пить кофе в кафе? Не покупать колготки, которые рвутся? Красивое белье? – Недоумевает Владимировна. – Не баловать себя бокалом хорошего шампанского и кусочком тортика?

– Очень удивительно, что вы никакие процедуры по омоложению не делаете! – Смеюсь я.

– Теперь только мечтаю о ботоксе и мезотерапии. – Сожалеет Владимировна. – Сейчас получила расчет на работе, а зарплаты уже и нет. Вроде бы ничего не покупала. Комплект белья взяла красивый, посидели с Юрой в ресторанчике, ионизатор воздуха купила, так как душно в квартире. И сыворотку для роста волос в капсулах приобрела за 14 тысяч.

– Добавить еще расходы на бензин, сигареты и отбивные для Юры и его сына. – Вставляю ремарку я.

– Ну ты покруче экономист, чем я бухгалтер. – Смеется Владимировна.

– Еще перчатки себе купила кожаные чешские хорошие и шляпку фетровую на весну в модном Доме. Хочу быть элегантной. – Вспоминает бывшая коллега. – Да, еще шарфик шелковый яркий взяла. Очень понравился. Пальто еще хотелось новое драповое, но денег уже не осталось.

– Вы же в прошлом году брали отличное пальто! – Вспоминаю я.

– Я на него масло в магазине нечаянно пролила. Отдала в химчистку. А они мне его испортили там. – Сокрушается Владимировна. – А перчатки свои забыла в такси. Была, мягко говоря, не совсем трезвая.

– Да уж! – Только и могу добавить я. – Деньги тратить вы умеете.

– Я же все-таки женщина. – Хохочет Владимировна. – Как там Шанель говорила – настоящая женщина из ничего делает салат, шляпку и скандал. Все у меня в наличии! Вот приеду к тебе в гости в обновлениях, упадешь в обморок!

– Опять что-то экстравагантное? – Любопытую я.

– Ага. – Соглашается моя приятельница. – Ладно. Пойду зайчика встречать. Приводить себя в порядок. Белье. Чулки.

– Свинину не забудьте! – Прикалываюсь я.

– Да ну тебя! – Фыркает Владимировна и кладет трубку.

Я остаюсь в легком недоумении.

4. Как связан бардак и работа

Я проснулась на удивление поздно, отлично выспавшись и поблагодарив Вселенную за то, что я в статусе безработной. Так здорово просто быть! Лежа на белоснежных простынях и потягиваясь в кровати, я собиралась спуститься в гостиную и приготовить себе завтрак из овсянки с малиной и голубикой и заварить чашку кофе!

И позволила себе еще понежиться в батистовом постельном белье, рассматривая в огромное панорамное окно падающий снег. И удивляясь тому, как мне удалось так выспаться, выключившись тут же, как только я проводила мужа на работу, когда было еще совсем темно.

Господи, как же хорошо наслаждаться жизнью, только подумала я, как у меня настойчиво начал звонить домофон. И мне пришлось все-таки поднять себя и заставить открыть дверь.

Это беспардонная Владимировна, спускаясь по лестнице, подумала я, и не ошиблась. Только она имеет наглость приходить ко мне в гости без предупреждения.

Моя приятельница не вошла, а ввалилась в уютную гостиную, оставляя после себя комки тут же тающего грязного снега.

– Ой. Ты представляешь, какое чп с нами произошло, – начинает она, не здороваясь, а снимая на ходу свою мокрую от снега норковую шубу и павлопосадский платок.

– Прорвало трубу? – Пытаюсь угадать я. – Или опять соседи жалобу написали?

– Это было бы еще полбеды! – Кричит Владимировна, снимая свои красные ботфорты, от которых тут же отваливаются пара декоративных камней.

Я подбираю декор, закатившийся под комод и протягиваю его бывшей коллеге:

– Ну вот, такую красоту испортили, обувшись не по погоде!

– Вот блин. – Сетует Владимировна, пытаясь прикрепить камни самостоятельно к сапогам. – Я же из больницы еду. От Юры.

– Господи. Что опять у вас случилось? – Недоумеваю я.

– Помнишь, этот гвоздь, за который ты зацепилась колготками? – Спрашивает она, проходя на кухню к холодильнику и вытаскивая оттуда лосось для бутербродов и муксун.

– Еще бы! – Сокрушаюсь я. – Я ведь и ногу поранила, между прочим!

– Юра тоже, только он сел на торчащий гвоздь! – Добавляет Владимировна, вытаскивая из корзины батон и сооружая бутерброды.

– Кошмар, конечно! – Ужасаюсь я. – Вот вам и романтика в темноте!

– Столько воплей было, не представляешь! – Вздыхает приятельница, жуя рыбу без бутербродов.

– Могу себе представить! – Восклицаю я.

– Это мы так неудачно собирались пошалить на кухне. – Добавляет подробности в рассказ Владимировна. – Перекиси я не нашла, и мы решили подождать до утра. А боль у него адская и кровь хлещет, как из ведра! Ни встать, как говорится, не лечь.

– А утром сепсис! Да почему вы сразу не отправились в травматологию? – Недоумеваю я.

– Ты права. Надо было. Юра, бедняга, промучился до утра. И меня клял за мою безалаберность. И с женой сравнивал, мол, та чистюля, а я – засранка. – Повествует Владимировна, продолжая вытаскивать из холодильника все, что там имеется.

– Да прекратите вы жрать! – Рываю на нее я. – Давайте позавтракаем. Я сварю кашу.

– Я такое не ем! – Упирается моя бывшая коллега, принимаясь открывать консервы с белой фасолью и маринованными грибами.

– Чем дело то кончилось? – Спрашивая я, насыпая в турку кофе и ставя ее на разогретый песок. И тут же наполняю овсяными зернами сотейник.

В это момент Владимировна начинает поглощать эклеры с заварным кремом, которые с утра не осилил муж. И приступает к его конфетам, опустошая коробку.

– Пришлось операцию делать. Зашивать! – Продолжает она рассказывать с набитым ртом.

– Он сейчас в больнице? – Уточняю я.

– Да. Пока оставили под присмотром. Гвоздь был ржавым. Вроде нагноение пошло. – Опять вздыхает Владимировна.

– Вот до чего доводит ваша безалаберность. – Говорю я тоном ее покойного мужа-полковника.

– Ну ты начинаешь! – Обижается Владимировна. – Это ведь не все. В больницу прискакала Олеся.

– Жена? – Удивляюсь я. – А она как узнала? Он ей позвонил?

– Нет, она сама начала ему названивать по поводу сына. Тот вроде домой явился в неадекватном состоянии. Еще и друзей притащил. Просила повлиять на него. – Продолжает приятельница, не дождавшись, когда кофе будет готов и отливая его из турки в чашку.

– Пусть напиток дойдет до готового состояния! – Останавливаю ее я, раскладывая кашу по тарелкам и украшая ее ягодами и орехами. – И что с Олесей?

– Она тоже набросилась на меня в больнице. – Говорит Владимировна, приступая к каше и обжигаясь горячим. – Я ужасно голодная из-за того, что толком не поела. Свет отключили. Плюс пришлось мотаться туда-сюда на такси.

– А Олеся какое право имеет вас отчитывать? – Удивляюсь я. – Вы ее не послали?

– В каком-то смысле она права, конечно. – Начинает анализировать моя приятельница. – Мне нужно было давно починить этот треклятый стул. Или выбросить его уже к черту! Бедный мой зая. Страдает теперь. Еще и сын проблем подкинул. Да ведь и моя дочь Оля объявилась!

– А Оля то чего? – Удивляюсь я. – Опять квартиру требует продать?

– Ты прямо угадала. – Огорчается Владимировна. – Звонит из Новосибирска и отдает мне оттуда указания. Сообщила, что как только потеплеет, приедет и будет готовить квартиру к продаже. Она задолбалась, видите ли, платить ипотеку. Но ни с кем ужиться не может. Отцов моих внуков вышвырнула вон обоих. Зятя были неплохими.

– Ага. – Вспоминаю я. – Только один пил, а другой на нее с кулаками кидался.

– Вадим не пил, а кололся. И начал это делать в браке. А Жору она постоянно оскорбляла последними словами. Любой мужик выйдет из себя. – Оправдывает зятьев приятельница.

– Да. У вашей Оли характер в отца. – Соглашаюсь с ней я. – Как и у сына. Олега. Слышно что-нибудь о нем?

– Ничего. – Произносит Владимировна, часто моргая. – Числится как без вести пропавший.

– Что ужасно, конечно. – Сочувствую приятельнице я.

– Ничего ужасного. – Отрезает Владимировна. – Он бы мне сейчас весь мозг вынес. Ты вспомни, как он меня клял за связь с Юрой! Таскал бы в квартиру своих собутыльников. А так от него хоть какая-то польза.

– А что с его долгами? – Уточняю я. – Вы жаловались, что фирма обанкротилась. И шли какие-то суды.

– Ой. – Вздыхает Владимировна. – Чем он только не занимался. То ресторан открывал, то схемы выдумывал с криптовалютой и пирамидами. То соучредителем фитнес-клуба был. И что в итоге? Одни долги по кредитам. Еще и мою квартиру хотел под залог оставить, ну ты представь?

Приятельница достает пачку сигарет и собирается закурить прямо в гостиной.

– Не смейте! – Предупреждаю ее я. – У нас никто не курит. Только на улице.

– А на балконе можно? – Испуганно спрашивает Владимировна.

– Тоже нет. – Отрезаю я. – Вы думаете, мои соседи лучше, чем ваши? Сразу напишут жалобу.

– Ой. – Вспоминает Владимировна. – Мои меня одолели. То музыка у нас с Юрой громко орет, то наши стоны слышны, а за стенкой полоумная многодетная мать, то воняет им табаком, то крысы бегают, и виновата я.

– О, Господи. – Удивляюсь я. – У вас завелись крысы?

– Они всегда были. Только все вокруг считают, что это именно из-за моего бардака. – Оправдывается Владимировна.

– Но у вас были кошки. – Уточняю я. – Куда они делись?

– Спасибо соседям, тоже пожаловались. Приехали волонтеры и забрали у меня всех животных. – Сетует приятельница. – Вот злыдни!

– Но у вас, кажется было их там уже штук пятьдесят! – Восклицаю я.

– Нет. Всего 34. И то самые больные и старые, которых я подбирала на улице и лечила. Но соседям все воняет, представляешь? Сами же заводят несчастных животных, а потом избавляются от них. – Жалуется Владимировна.

– А куда дели кошек? В приют? – Уточняю я.

– Кого-то разобрали. Многих пришлось усыпить из-за болезней. Я же тогда запила, как раз. У меня депрессия была. А они, вместо того, чтобы мне помочь, меня добились. Это порядочные матери и жены. – Продолжает Владимировна.

– А сейчас что с кошками? – Не унимаюсь я. – Почему вы мне не позвонили?

– Ну ты одна только и помогла мне тогда. – Вздыхает приятельница. – Даже дети и те, на меня нападали, мол, это я виновата, что не смогла спасти их отца.

В этот момент у Владимировны начинает звонить телефон. Она оживает, услышав знакомую мелодию и становится опять молодой и задорной.

– Это мой зая звонит. – Сообщает она радостно, кокетливо поправляя волосы на ходу.

Меня эта сцена умиляет. Пусть она будет счастлива, мысленно желаю ей я.

И начинаю составлять грязную посуду в посудомоечную машину.

5. Что такое Настоящая Женщина

Я не знаю, зачем согласилась на предложение приехать в гости к Владимировне. Поскольку ее огромная с высокими потолками квартира захламлена настолько, что напоминает временами сарай или складское помещение. Она обитает только в одной комнате. Три остальные превратились в хранилище для сломанной мебели, каких-то коробок и старья.

Повсюду висит паутина и лежит слоями пыль. И я начинаю кашлять от аллергии. От недостатка свежего воздуха в помещении, неприятного запаха старых затхлых вещей и сигарет.

Но мою приятельницу это не смущает. Кажется, она чувствует себя в этой беличьей клетке органично, добавляя в раковину к горе протухшей посуды еще пару чашек.

Я не хочу пить чай и есть отбивные, которые она готовила для своего ненаглядного Юры. А все валяющиеся на кухне бутылки мне хочется собрать и вынести на помойку. В глаза бросаются почему-то обои, висящие клочками по стенам. И куски очень грязных занавесок в разводах и в дырках от сигарет.

Владимировна вытаскивает откуда-то свое новое пальто, которое она взяла все-таки в кредит. Оно изумительного лавандового цвета. К нему есть еще шляпка в виде огромного рыжего пятна с искусственными перьями и цветами.

– Как я тебе? – Спрашивает у меня бывшая коллега, напяливая обнову прямо на полупрозрачный пеньюар и засовывая свои костлявые ноги в ярко-малиновые ботфорты.

– Вызывающе. – Отзываюсь я фразой из советского фильма, после которой мы обе начинаем хохотать.

– Не хватает моих салатных перчаток и бирюзового шарфика. – Вспоминает Владимировна и быстро устраняет досадное недоразумение, превращаясь в попугая.

– Жаль, что погода нас подводит. И такой наряд будет неуместен в пурге с мокрым снегом. – Констатирую я.

– Да брось! – Фыркает Владимировна, дефилируя по длинному коридору, как по подиуму в пальто и в ботфортах, забирающих все внимание на себя своими колыханиями вокруг тощих коленок.

В этот момент я опасаясь, что моя приятельница не впишется своей фигурой между велосипедами и лыжами, нагроможденными в узком проходе. И не зря. Владимировна задевает при повороте какой-то мешок с цементом и все его содержимое с грохотом вываливается на нее.

– Ну вот! – Взвизгивает она. – Опять в химчистку придется сдавать.

И начинает отряхиваться, становясь похожей в своей нелепой шляпе на какую-то артистку из заезжего цирка.

– Не ушиблись? – С тревогой интересуюсь я.

– Пора бы, конечно, избавиться от этого многообразия ненужных вещей. Но не могу. – Оправдывается бывшая коллега. – Советский менталитет, а вдруг еще пригодится?

– Я боюсь, что среди такого вороха барахла вы скоро и себя не найдете! – Ужасаюсь я.

– Согласна. – Кивает головой она. – Но с этой пылью и сломанными стульями мне уютнее что ли. Каждая одинокая лыжа мне о чем-то напоминает.

– Воспоминания можно хранить в душе. А не заставлять ими всю квартиру. – Сетую я. – Если лыжа потеряла пару, то ее место не в прихожей, а на свалке.

– Когда-то мы всей семьей выбирались в парк покататься на лыжах и коньках. – Вздыхает Владимировна, поняв, что оттереть строительный порошок с нового пальто ей не удастся.

Она снимает пальто. И пытается пристроить оторвавшиеся перо и драповую розу к шляпе. В ее гипуровом пеньюаре зияет огромная дыра.

– Вы, кажется, испортили белье. – Констатирую я, показывая на прореху в наряде.

– Ой. Какая я неловкая! – Сетует приятельница, засовывая пальцы в гипюровую дыру. – Подготовилась к встрече с Юрой. А он в школу пошел разбираться по поводу очередной выходки сына. Потом, кажется еще родительское собрание. Хочешь, я тебе покажу ампулы, которые мне посоветовала мой парикмахер?

Она берет старенький табурет, залезает на него и начинает искать в шкафах ту самую сыворотку, гарантирующую усиленный рост волос. Со всех щелей начинают выпадать какие-то пучки сухих трав, коробки и банки, от которых мне приходится уворачиваться.

– Да вы сейчас точно либо грохнетесь, либо разобьете что-то и меня еще покалечите! – Возмущаюсь я.

– Куда же я их засунула? – Пытается вспомнить Владимировна, продолжая ронять кухонную утварь и с грохотом катапультирует на ворох коробок.

Я подскакиваю со стула и успеваю ее поддержать.

– Право же. Еще убьюсь! – Приятельница встает, потирая затылок и продолжая вспоминать, куда она пристроила коробочку с чудодейственным эликсиром.

– Пора уже вынести весь этот хлам и сделать ремонт. – Командую я, обнаруживая, что порвала колготки, зацепившись за торчащий из мебели гвоздь.

В этот момент наступает кромешная темнота. Поскольку из проводки раздается какой-то треск, а потом хлопок.

– Ой. Кажется. Опять пробки выбило. – Спокойно сообщает Владимировна, шаря в темноте и пытаясь найти телефон, чтобы подсветить.

Но я нахожу быстрее зажигалку и с помощью нее обнаруживаю свою сумочку и телефон, в котором включаю фонарь.

– Вы уверены, что это пробки, а не проводка перегорела? – Не верю ей я, чувствуя себя неудобно среди хлама.

– Слишком большая нагрузка на одну розетку. Холодильник, ночник, а когда включаешь еще и чайник, то сразу срабатывает предохранитель. – Объясняет моя бывшая коллега, пока мы пробираемся по узкому коридору, чтобы вернуть в обычное положение пробки.

Меня начинает раздражать неустроенность быта моей приятельницы.

– Давно пора привести вашу квартиру в порядок! – Ругаюсь я.

– Я – женщина, а не строитель. – Огрызается Владимировна, наощупь пробираясь в темноте.

После неудачных попыток разобраться с электричеством, моя бывшая коллега выносит вердикт:

– Опять придется приглашать электрика. А это расходы. Эх.

– Пойдемте лучше на улицу. Подышим свежим воздухом. – Предлагаю ей я, устав бороться с бытовой неустроенностью в этой квартире и страдая от едкого сигаретного дыма.

– Я не могу ненакрашенная даже мусор вынести. – Говорит пенсионерка, которая пару минут назад испортила обнови.

– Ну не в темноте же сидеть! – Спорю с ней я.

– Сейчас найду свечи и зажгу благовония. И будет уютно и романтично. Мы так с Юрой иногда любим провести время за бокалом белого полусладкого. – Упирается Владимировна.

– Нет уж! – Отрезаю я. – Набрасывайте на ваш пеньюар что-то теплое и на улицу.

Я с трудом могу представить любовников среди этого бардака, называемого Владимировной романтикой.

– Исключено! – Бунтует пенсионерка. – Мне нужно быть при полном параде. Подобрать гардероб вплоть до аксессуаров. Сделать укладку.

– Какая укладка, когда на улице метель! – Пытаюсь вразумить ее я.

– Я – женщина, а не бульдозер, чтобы напялить на себя какой-нибудь спортивный костюм и разгуливать в исподнем по улице. Нет. Минимум – капля духов и шляпа для элегантности! – Настаивает на своем Владимировна.

– Тогда я вызываю такси и еду домой! – Отрезаю я. – С меня достаточно того, что я порвала колготки, а все из-за вашей любви к хламу!

– Это мелочи жизни, дорогуша! – Успокаивает меня Владимировна, в темноте закуривая. Я достаю из сумочки телефон, чтобы позвонить мужу или вызвать такси, задевая какие-то коробочки с пузырьками, которые падают на пол.

– Вот и ампулы с сывороткой нашлись! – Радуетя Владимировна, собирая по полу раскатившиеся ампулы. – Красота превыше всего!

В этот момент в дверь раздается стук. Испуганная Владимировна шепотом просит меня подойти к двери и глянуть в глазок.

– Это опять приставы или с ЖЭУ! – С ужасом произносит она. – Или соседи с жалобами.

Я подхожу к двери и слышу знакомый голос Юры:

– Открывай, дорогая. – Кричит он. – Твой зайчик голоден и превратился в волка. И тебя сейчас съест!

– Как я покажусь перед ним в таком виде? – Опять пугается Владимировна.

– Но вы успели запечь свинину. И пока он будет ее уплетать, приведете себя в порядок. Снимайте рваный пеньюар и идите встречать зайчика. Главное, чтобы в темноте он нас не перепутал. – Отвечаю ей я.

Она неуверенно открывает дверь голодному любовнику. Теперь я могу с чистой совестью сбежать из этой проклятой квартиры, решаю про себя я.

6. Почему люди счастливы в бардаке

После ужасающей обстановки в квартире Владимировны, я оказываюсь дома. И наша уютная многоуровневая квартирка кажется мне очень уютной и чистой. Нет, решаю про себя я, в бардаке бы я точно не смогла жить. И от этого впадала бы в еще большую депрессию.

Белые стены, белое постельное белье, белые двери, портьеры цвета сафари и картины в рамах под дерево на стенах, а также ночники шафранового цвета наполняют меня умиротворением и покоем. Точно так же действует на меня паркет и мягкий уютный диван песочного цвета, ковер топленого молока на полу с высоким ворсом, небрежно брошенный плед в шотландскую клетку на палевое кресло.

Мозаичный рисунок в витраже меня тоже приводит в восторг, как и белоснежные полотенца и банные халаты в ванной комнате, в которой я люблю проводить ритуалы красоты.

И летящий невесомый тюль в сквозняке окна тоже мне нравится, и старинная причудливая бронзовая люстра, и вышитые крестиком чехлы на подушках, и тончайший фарфор, выглядывающий из-за стекол белоснежных шкафов кухни.

И гардеробная комната, в которой все на своих местах, аккуратно сложенное в однотонные коробки и кофры. И огромные сверкающие зеркала и многоуровневый свет, создающий бесконечные оттенки в нашем жилище меня завораживают, как и огромные деревья в кадках.

И даже чистойшая кошка, которая спит в своей соломенной корзинке на аккуратной подушечке отлично вписывается в этот интерьер.

Ничего не сломано, не разбросано, не испорчено и не висит клочками. И все гармонично, стабильно и обволакивает спокойствием и уверенностью в том, что дом – это твоя крепость, где ты можешь укрыться и расслабиться от всех невзгод.

Нет, отмечаю я мысленно, не смогла бы я спокойно уснуть, видя перед собой кусок болтающейся ткани на окнах и куски отклеивающихся обоев. Не смогла бы завтракать, сидя за столом, который покрылся слоем пыли, глядя не на роскошный вид из окна, а на переполненное ведро и кучи мусора повсюду.

Однозначно, я бы сама засучила рукава и принялась бы убирать, драить и выносить хлам на помойку. И дезинфицировать унитаз, к которому страшно подойти. А потом проветривать квартиру от тяжелого табачного запаха.

Еще раз мысленно задала я кому-то вопрос, почему Юра, проживающий в стерильных условиях с чистоплотной и аккуратной учительницей, вдруг так органично вписался в хаос моей приятельницы, где перегорает проводка, всегда течет сантехника и стоят мешки со строительными материалами?

Почему этот вполне приятный и симпатичный молодой мужчина выбрал в любовницы пенсионерку с причудами, совершенно далекую от организации пространства, более того, пошлую временами и вульгарную до скрежета на зубах?

Снова и снова я пытаюсь проанализировать, как коррелируют друг с другом качество жизни и постоянно царящей бардак в ней у некоторых людей. И прихожу к определенному выводу, что вот эта вся неустроенность и постоянные долги – это от нежелания взять на себя ответственность за свою Судьбу, от поглощающей лени, к которой привыкаешь, от инфантильности, пофигизма, неряшливости, недалекости, привычке всегда плыть по течению и надеяться, что кто-то все устроит самым наилучшим образом.

Переклеит обои, вынесет мусор, оплатит долги по коммунальным услугам, починит всегда капающий кран, вымоет полы, повесит чистые шторы, сделает ремонт, вынесет на помойку ту самую лыжу, оставшуюся без пары, а ты будешь наряжаться, радоваться жизни, снова создавать прорехи в пеньюарах и в бюджете, а потом вздыхать от того, что опять расходы и рутина.

И чтобы избавиться от этого состояния безнадежности, кинешься запекать свинину и поить молодого любовника хорошим вином, не боясь в темноте перевернуть на себя в очередной раз какой-нибудь мешок со строительной смесью.

Каждому, как говорится, свое.

7. Про смерть

Я думала, что моя бывшая коллега и приятельница Наталья Владимировна угомонилась, получив от меня порцию общения. Но нет. Она стала меня донимать своими звонками и хвататься очередными обновами, купленными в кредит, к которым я давно равнодушна.

– Я приеду к тебе в боа и новой шляпке. – Сообщает она мне.

– Хорошо, что в этот раз вы хотя бы предупредили меня об этом. – Говорю ей я. – Но нас с мужем не будет дома. Мы решили съездить на кладбище и немного привести могилы родственников и сына в порядок.

– Я поеду с вами. – Пристает бывшая коллега. – Мне нужно тоже к мужу, покойнику.

– Вы же говорили, что отправили его прах на родину? – Недоумеваю я.

– Нет. Меня дочь попросила захоронить его останки здесь. – Вздыхает Владимировна. – Но ты так спокойно говоришь про могилы.

– А что я должна сделать, по-вашему? – Удивляюсь я. – Год прошел. Именно столько времени люди должны оплакивать утрату. Дальше нужно продолжать жить.

– Но это противоестественно – терять детей. – Упирается моя приятельница. – Не представляю, если вдруг сообщат, что мой сын все-таки погиб.

– На мой взгляд, нет ничего страшнее неизвестности. И ожидания. Результат, пусть и печальный, тоже результат. – Объясняю ей я.

– Пока сын числится пропавшим без вести, у меня есть надежда, что он жив. – Настаивает на своем Владимировна.

– А если это окажется не так? Вы к этому готовы? – Провожу коучинг я. – Это же самообман.

– А вдруг он и правда живой? – Упирается моя приятельница.

– Допустим. Он вернется домой, например, инвалидом. Или с каким-то расстройством. Бывает и такое. Он будет в любом случае другим. Вы к этому готовы? – Продолжаю я.

– Я... – Начинает мямлить она, запинаясь. – Зачем ты мне говоришь эти гадости?

– Так выглядит реальность, увы. Нужно снять розовые очки и ваше боа. И посмотреть правде в глаза. – Отрезаю я.

– Но... – Как-то неуверенно говорит Владимировна. – Я... пусть он будет лучше живым. Моему отцу пришлось ампутировать ноги. Потом на руках у меня оказался муж без ног. Это ужасно. Моя мама очень страдала. И я тоже. Сначала с отцом. А потом с мужем. Это... это...

– Это ужасно. И это было. У вас есть опыт справиться с этим. Вы уже взрослая. И стали сильнее. Трудности наделяют нас силой. – Продолжаю я.

– Я не хочу об этом думать... – Отпирается моя бывшая коллега. – Я подумаю об этом завтра.

– Но об этом все равно придется задуматься. И нет разницы, сегодня вы сделаете это или завтра. – Настаиваю я.

– Зачем ты мне все это говоришь? Я не хочу возвращаться к боли. – Опять упирается Владимировна. – Я хочу жить. Радоваться жизни. А не смотреть на то, как мучается близкий человек. Мне страшно, понимаешь?

– Понимаю. – Отвечаю я. – Когда приходит горе, это больно. Но жизнь не состоит из одной лишь радости. Она многообразна.

– Я хотела тебе рассказать о Юре. О том, как счастлива в новых вещах. – Всклипывает Владимировна. – А ты... Зачем ты это делаешь?

– Вы сами запросились на кладбище. – Аргументирую я. – Значит вам это зачем-то нужно, вернуться в прошлое. Чтобы что?

– Чтобы... чтобы... я не знаю... Так принято... Навещать умерших. – Пытается объяснить свое желание Владимировна.

– Умерших навещают для того, чтобы помнить. И думать о них. Не завтра. А сегодня. –
Говорю я.

– Пожалуй, я не поеду на кладбище. Ты права. – Вдруг принимает решение приятельница. – Пусть мой муж спит спокойно. Мне легче от того, что все уже закончилось. И ему не больно. Он не мучается и не кричит по ночам. И не ищет свои ноги. И не кусает губы до крови. Нет. Я не хочу, чтобы мой Олег, сын...

Она кладет трубку.

– Мы едем или нет? – Спрашивает у меня муж. – Ты готова навестить Захара?

– Готова. Ведь я ни разу не съездила к нему с тех пор, как его не стало. – Отвечаю я.

– Ему там хорошо. – Говорит муж. – Он уже не мучается. Мы все когда-то встретимся на небесах.

– Я знаю это. – Отвечаю я.

И собираюсь на кладбище. Больше всего я беспокоюсь о том, что снова увижу людей, которым предстоит в скором времени умереть.

Не знаю почему, но я чувствую Смерть.

Смерть – это естественный процесс окончания земной жизни. Никому из этой жизни не удалось уйти живым.

8. Про хабалок

Я скучаю немного по тем временам, когда я работала. Иногда мне просто не хватает тех персонажей, которые попадались мне на пути. Настолько красочных, колоритных и не вмещающих в одно предложение, что можно писать о них целые книги.

Однажды мне удалось устроиться по знакомству в солидное учебное заведение в один из отделов, который работал с коммерческими группами. Опыта в такой работе у меня, разумеется, не было, но моя знакомая, а она была самым ректором, заверила меня, что ничего сложного нет и коллектив у них прекрасный.

Как же она ошибалась и в первом и во втором случае. Сложности у меня возникли сразу же из-за душного, токсичного и совершенно некоммуникабельного коллектива.

Для стажировки меня прикрепили к одной из сотрудниц, Клавдии Ивановне, о которой я сложила по имени портрет эдакой старушенции с начинающейся деменцией. Нет, к моему удивлению, Клава оказалась женщина вполне молодая, лет эдак 35ти.

Это я потом узнала из ее документов, о возрасте, при знакомстве мне вообще показалось, что она старше меня. И не потому что она выглядела взрослой и рассудительной, так сказать, пожившей. Наоборот, Клава всегда вела себя, как гопница из подворотни, несмотря на свой статус ведущего экономиста.

Ко всему добавлялся отвратительный облик моей коллеги и наставницы – квадратная, рыхлая и коротко стриженная, она напоминала кладовщицу на складе пива. Представить ее можно было среди грузчиков или на стройке каким-нибудь прорабом, когда она грубо материлась на весь университет.

Но никак среди ИТР, а тем более в таком престижном учебном заведении. Ну явно здесь что-то не то, размышляла я, глядя на манеры, вернее на полное их отсутствие у Клавы, которой не хватало всего лишь пакетика с семечками и небольшой скамьи, на которые так любят усаживаться сплетницы, рассуждая, например, о политике или о том, с кем переспала соседка.

В какой среде обитала эта женщина, было понятно, уже при первом на нее взгляде. Несмотря на то, что в учреждении был принят дресс-код, и все сотрудницы, как минимум, были в туфлях и юбках, Клава всегда носила эдакие башмаки, в простонародье называемые "прощай молодость", невысокие, с замочком, украшенные искусственным мехом, обрамляющим широкоую ее щиколотку.

Из-под этой странной обуви всегда высовывались какие-то нелепые мужские носки, которые до сих пор носят пенсионеры, в какую-то елочку или с однотипным узором в желтые ромбики на ярком зеленом фоне.

Клава всегда была в каких-то штанах с вытянутыми коленками и футболках, украшенных почему-то яркими цветами и стразами. Весь, так сказать, образ дополняла вязаная жилетка, какие можно увидеть у старух, сидящих на прием к врачу в поликлинике.

Собственно, все разговоры Клавы всегда сваливались к жалобам на болячки – у нее то ноги ныли, то выкручивало колени, то давление или сахар подскакивали. Но, несмотря на это, коллега уже с утра нарезала толстые кольца самой дешевой колбасы, сооружала себе бутерброд и, причмокивая на весь кабинет, в котором сидело как минимум человек пятнадцать, приступала к работе, перекладывая свои папки, которые были почему-то, как ни странно, розового девчачьего цвета.

Более того, на каждой ее тетрадке с какими-то записями мелким почерком всегда были пристроены картинки и наклейки, как у детей, например, с какими-то единорогами или несуразными куколками.

И вот этот контраст между собранными в гармошку на щиколотках мужскими носками, всегда грубым и прокуреным голосом, вторым подбородком и совершенно инфантильными

почти игрушечными маркерами, всевозможными карандашами с мультяшными героями, так кидался в глаза, что я задумывалась, почему вдруг взрослая женщина, всегда вульгарная в своем поведении, имеет такую страсть ко всему цветному и яркому.

Наверное, у нее не было детства, решила я, и не ошиблась. Позже я узнала, что Клава была детдомовской, бесплодной и замужем за человеком из мест не столь отдаленных. Как я и предполагала, большую часть своей жизни коллега проработала посудомойщицей на кухне. Потом закончила не самый престижный факультет какого-то ВУЗа, который позже и вовсе лишили лицензии, заочно, где училась на удивление плохо.

Точно так же она и работала. В документах у Клавы всегда царил бардак, но из-за ее большого стажа и постоянной текучки в коллективе, только одна она могла более или менее найти и объяснить какую-то цифру.

На фоне остальных вчерашних студенток и совсем уж дремучих бухгалтеров, считающих зарплату на счетах, Клава, освоившая программу, которую знает в наше время каждый школьник, выглядела очень умной.

И таковой, видимо, себя и считала, раздавая всем окружающим не самые приятные эпитеты и придумывая обидные прозвища коллегам, как в школе. У меня вообще создалось впечатление, что эту детдомовскую так много и так долго обижали, что до сих пор она пыталась реабилитироваться, выбирая для травли кого-то интеллигентного и неспособного ее послать на х... сотруدنника.

Клава, увидев меня, в белоснежных рубашках и непременно в юбках и на каблуках, всегда с красивыми и чистыми волосами, была уязвлена. И своего раздражения не скрывала, пытаясь мною манипулировать, поскольку отлично понимала, что я от нее завишу по работе.

Видимо, настолько ее мой ухоженный и собранный вид зацепил, что она тут же яро начала доказывать себе и всем вокруг, что феминизм рулит и длинные пакли уже не в моде. Но сама вдруг начала краситься ни с того ни с сего, хотя видно было, что никогда этого не делала.

И даже нашла какую-то затрапезную рубашку, давно вышедшую из моды, закатывая в ней рукава и пытаясь выглядеть элегантно. Но весь облик ее все равно портили всегда засаленные волосы, прыщи на круглом лице с увесистым подбородком и отсутствие шеи.

Я понимала, глядя на колхозную мину Клавы, как ей обидно каждый день наблюдать перед собой мой природный угол Джоли на скулах и выдвинутый вперед подбородок.

От досады Клава, когда я задавала, как ей казалось, очередной неуместный вопрос, касаемый оформления документов, срывалась на меня, смачно изрыгая между своих редких полугнилых зубов отборную брань.

На ее очередную подзаборную истерику я всегда отвечала спокойно, холодно и по слогам:

– Вы в учебном заведении находитесь, Клавдия Ивановна, а не на гаражах с пластиковым стаканчиком дешевого пива. Прекратите орать. У меня диктофон. Засужу так, что будете выплачивать мне компенсацию.

Она затыкалась резко и начинала вращать свои маленькие, чуть на выкате глаза с комично приклеенными для красоты ресницами. Но только на время. Стоило ей опять с кем-то сцепиться по поводу небьющихся цифр в отчетах, как она тут же выдавала новую порцию отборнейшего сленга, который можно услышать только среди лиц без определенного места жительства.

Мне было жаль каких-то совсем юных практиканток, которые оказывались в руках Клавы, всегда пухлых, с облупившимся лаком и почему-то в золотых кольцах, как у кондукторш.

И пенсионерок, которые из-за своего возраста не могли отстоять свою правоту в ежедневных битвах с Клавой.

В итоге в этом самом настоящем террариуме с руганью, текучкой, бардаком и обесцениванием я проработала совсем недолго, с удовольствием выдохнув от того, что больше не буду пересекаться с хабалкой Клавой, когда уволилась.

Не поверите, через некоторое время, я увидела ее на заправке вместе с мужем, который обзывал ее овцой и тупорылой гадиной только из-за того, что та по неопытности как-то не так вставила пистолет с бензином в открытый люк.

К моему удивлению, своему зеку Клава ничего не ответила в свойственной ей манере, а только проямлила:

– Зай, я только учусь...

И снова была облита ушатом отборной грязи. Впервые, мне стало ее почему-то жалко. И я ей простила все попытки меня как-то унижить и оскорбить.

Чего с нее взять, с этой Клавы, у которой и детства то нормального с красивыми игрушками и любящей мамой не было. А жизнь состоит из сплошных понуканий какого-то отребья, с которым она почему-то вынуждена жить, подумала я.

Моя знакомая ректор, кстати, через полгода тоже подала в отставку.

9. Кто на самом деле абьюзер

Мы сидели в кабинете втроем, я, знаменитая Мурена, в имени которой работница сделала сразу несколько ошибок, и Варя, всегда бледная и никакая, но умудрившаяся потом родить ребенка для себя от женатого пенсионера-охранника.

Мурена всегда что-то вещала, Варя делала вид, что ее слушает, а я пыталась справиться с тем объемом работы, который мне вменяли со словами – только ты это перелопатишь.

В кабинет к нам должна была переехать женщина из другого отдела, которую мы знали поверхностно. Она занимала какую-то должность, обязанности которой были какими-то расплывчатыми, что-то между специалистом, кадровиком, завхозом и секретарем в одном лице.

По итогу эта Галя делала все и ничего. С утра она уезжала куда-то по делам и могла вернуться только к окончанию рабочего дня, рассказывая, что везде пробки и очереди. Когда звонили в банк, куда она якобы должна была отвезти документы, там отвечали, что ее сегодня не было.

И Галя начинала выкручиваться, уверяя всех, что она была в Суде, в пенсионном фонде, канцелярию приобретала для офиса, да что угодно врала, лишь бы ее не заподозрили в том, что она занималась нелегально подработкой – развозила в рабочее время посылки и документы по адресам.

Нелегально – потому что нам как госслужащим нельзя заниматься никакой деятельностью, кроме педагогической. Выходило так, что Галя получает официальное жалование, да еще умудряется всех обхитрить.

Это можно было понять, конечно, ведь у нее были жуткие долги по кредитам, которые Галя брала постоянно, не успевая погасить один, как тут же влезая во второй. То машина ей нужна была не подержанная, а непременно новый джип, то огромный телевизор, то последние модели гаджетов, поскольку те уже устарели.

И жила Галя в какой-то старенькой деревяшке под снос, совершенно ничего не делая в убогой квартире и ожидая, когда власти их переселят в комфортное жилье в удобном районе.

Дети ее давно уже были взрослыми, но двое дочерей и сын, который уклонялся от службы в армии, жили с ней. Она была разведена по документам для того, чтобы проверить какие-то махинации с жилплощадью. И даже взяла опеку над ребенком с ограниченными возможностями, который жил у ее мамы.

А в квартире прописала кучу своих родственников, начиная от прабабушек и заканчивая какими-то племянниками и племянницами, которые тоже, кстати, жили в малюсенькой почти сгнившей двухкомнатной квартире на первом этаже. Как они все там помещались, мы, коллеги, представить не могли.

Одно мы слышали каждый день ясно, что Галя варила всей этой ораве огромную кастрюлю самой дешевой вермишели и заправляла ее такой же тушенкой, но все равно все были голодными, поскольку никто, кроме нее, не работал.

И даже муж, которого она обзывала тунейдцем, но разъехаться с ним по меркантильным причинам не могла. Собственно, о муже Гали мы слышали всегда только плохое. Единственным его плюсом была его эффектная внешность и то, что он когда-то Галю добился, долго и красиво за ней ухаживая.

А еще мог влезть в любую драку и вел себя развязно, отпуская какие-то сальные и неуместные шуточки. В остальном это был типичный представитель из эдаких домашних тиранов, которые не работают, любят выпить, да еще и кулаками размахивают.

Галя приходила иногда с синяками и ссадинами, с упоением рассказывая подробности очередной стычки с мужем. А потом добавляла, что это все из-за ревности, и они успели уже с ее Лешей помириться. И даже как-то хихикала откровенно, намекая на секс.

Хотя иногда такие разборки обрастали новыми деталями – сломанным Галиным носом или ребрами. И мы понять не могли, зачем Галя, которая, в принципе, не зависела от того самого Леши, продолжает его в своем доме терпеть.

Тем более, как она себя сама позиционировала, эта женщина была вполне тихой и безответной. Симпатичной, конечно, но не красавицей и не сердцедающей, чтобы ее ревновать. С хитрецей, молчаливой и прибедняющейся, но никак не провокатором такого поведения мужа.

Наше мнение о Гале изменилось, когда ее пересадили к нам в кабинет. И распределили обязанности между нами поровну, а потому она не могла теперь уехать по своим делам, но продолжала отлучаться, изворачиваясь на ходу и подставляя нас.

Нам приходилось делать ее работу, за которую никто не доплачивал, пока она типа ездила в банк или еще куда-то. Первой перестала ее прикрывать Варя, сообщив, что проблемы долгов ее не касаются. И Галя молча это проглотила, но через время нашла способ Варе отомстить.

Галя вообще в конфликты не вступала, а продолжала делать то, что считала нужным. Если начальство просило ее не пропускать документы, она их пропускала, чтобы сделать все по-своему. А если просили сделать быстрее, то она специально растягивала работу на целый день, попивая чай и наблюдая, как все вокруг начинают нервничать и выходить из себя.

Если ее просили закрыть дверь, когда сквозняк, то она как будто бы забывала это сделать. А когда было душно в кабинете, то она, наоборот, молча закрывала двери.

И оставляла как бы невзначай на столах коллег свои чашки и личные вещи. И без спросу могла, например, что-то подойти и взять из чужого выдвижного ящика. И всегда делала вид, что она либо не слышит, либо не понимает то, что от нее требовали уже раздраженно.

И мы начинали осознавать, за что и почему ее муж периодически поколачивал. Она сама подчеркивала, что ей нравится его доводить. Она знала его манеру ревновать и специально начинала переписываться с какой-то коллегой, прячась и не давая в руки мужа телефон. А он при этом себя накручивал и зверел.

Заканчивалось все мордобоем и букетами с цветами и мольбами на коленях простить.

Через некоторое время Галя и Варя сцепились в каком-то скандале, хотя вторая всегда была незаметной и тихой, но, видимо, постоянные подставы коллеги ее вывели из себя так, что Варю трясло от негодования, а вот Галя, наоборот, снова делала вид, что она не понимает, почему на нее так орут. И даже пустила слезу.

Варя же, та самая тихоня, говорила потом, что она не знает, что на нее нашло, такое раздражение, что ей захотелось Галю просто чем-то огреть по башке.

И так повторялось не один раз. Галя каждый день рассказывала, что ее все обижают, то дорогу ей не уступят, хотя я видела однажды, как она игнорировала сигналы водителей и тупо лезла на рожон. То в поликлинике ее толкнули, а потом выяснилось, что она наврала всем, что только спросить и хотела пролезть без очереди.

То опять ее бил муж, а она всего лишь обедала с молодым коллегой, ну подумаешь, накрасилась очень ярко и хохотала и даже отправила мужу смс, в каком кафе они сидят. Это ничего серьезного.

Только потом мне удалось объяснить феномен таких провокаций, когда я сама закончила курсы и выучилась на психолога.

Оказывается, абьюзер не может быть в паре только один. Та самая жертва, которую бьют и истязают, тоже является абьюзером. Она посылает определенные сигналы для того, чтобы с ней обходились жестоко.

Жертва проявляет пассивную агрессию – ненавидит молча своего мучителя или провоцирует его на определенную реакцию.

И жертвы часто в другой ситуации ведут себя как агрессоры. Ну вот, например, жена, которую колотит муж, потом срывается на детей. Муж терпит издевательства от своего начальника, а дома дает волю своему гневу.

Ребенок, которого дома бьют, найдет кого-то из младших классов и выместит на нем свою злость. Безответные тихони часто мучают животных или тех, кто еще слабее их. А чаще, наоборот, остаются в отношениях с тираном, испытывая удовольствие от внимания, пусть проявленного таким вот способом.

Галя всегда повторяла, что ей не хватает эмоций от мужа и делала все, чтобы вывести его из себя.

Точно так же она поступала и на работе. А когда разгорался конфликт, было ясно, что именно этого она и добивалась. Хотя она театрально подкатывала глаза и даже всхлипывала для наглядности.

В итоге с работы Галю все-таки заставили уволиться, не дав ей доработать до пенсии, поймав на очередных манипуляциях и вранье.

Когда вам начинают рассказывать о том, как его обижают, посмотрите *КТО* и *ЧТО* на самом деле за *ЭТИМ* стоит.

10. Про врачей

Я зашла за Муреной, своей коллегой, к ней домой, поскольку мы договорились вместе пойти на концерт. Встретила меня у порога ее ленивая и бойцовская собака Бетси, которая, спала, как обычно, на каком-то потрепанном одеяле. И была уже слишком старой и очень умной, чтобы облаивать всех подряд или обнюхивать.

Нет. Бетси перестала заморачиваться, точно зная, что в дом зашел не враг, продолжая похрапывать на своей лежанке и открывая периодически только один глаз.

Мурена, как всегда, оживленная и шустрая, несмотря на свою тучность, носилась по огромной своей квартире, отдавая распоряжение мужу и сыновьям, которые на нее перестали реагировать уже давно, как и собака.

Моя коллега стояла в коридоре уже нарядная, в каком-то облегающем платье, которое обнажало ее могучую грудь, накрашенная в стиле индийской женщины на свадьбу, но с бигуди на голове и в шлепанцах.

Вид у нее был комичный.

Такая же старая кошка подошла к собаке и почему-то со всей силы ее цапнула, отчего у той выступили на носу капли крови, видимо ей не понравилось, что Бетси ничего не делает. В отличие от собаки, кошка Чупа каждого гостя встречала с недоверием и шипела на него.

Собака взвыла от Боли, а Мурена похвалилась, что кошка – это ее тотем, которая ни при каких обстоятельствах не теряет бдительности.

Чупа что-то мяукнула, подтвердив слова своей хозяйки и важно прошла по коридору, заглядывая в каждую комнату, как будто хотела проверить, как выполняют распоряжения Мурены домочадцы.

На кухне, в которую пригласила меня коллега, сидел ее симпатичный и послушный муж. Он чистил картошку и складывал ее в кастрюлю с водой. Рядом расположилась ее подруга Галя, которая тоже была нарядно одетая, но уже мерила себе давление.

А потом и вовсе начала подкатывать глаза и тяжело дышать в каком-то приступе. И я отметила про себя, что пришла невовремя. Вот грохнет в обморок, приятного мало.

Мурена испугалась того же, а потому истошно начала звать на помощь одного из своих сыновей, который работал медбратом на Скорой помощи, и в это время отсыпался после тяжелой ночной смены.

– Николай! – Завопила его мать, тоже приходя в волнение. – Помоги.

Через время на кухню прилепал ее заспанный и недовольный сын, который привык к тому, что кто-то постоянно умирает или собирается умереть. И не реагировал бурно, как Мурена.

– Что вы все орете? – Рыкнул на нас он своим холодным голосом, почесывая за ухом. – Дайте хоть раз выспаться! Что случилось?

В это время Галя, делая какие-то движения ртом, медленно оседала на стуле, а муж Мурены вовремя ее подхватил на руки.

Неохотно Николай подошел к пациентке и крикнул на нее:

– Как вас зовут? Вы меня слышите? Вставайте!

– Она, кажется, сейчас умрет. – Вместо нее ответила Мурена, которая от страха выпучила свои глаза.

Сын Мурены подошел к Гале, и, поскольку та не реагировала на вопросы, взял ее за лицо и начал трепать. А потом вlepил ей пощечину.

От звонкого жеста мы все вздрогнули, а Галя, к нашему удивлению, ожила и завизжала:

– Больно! Больно же...

– Уже лучше. – Спокойно на это отреагировал Николай, держа за запястье Галю и отсчитывая ее пульс. – Что вы тут за балаган на кухне опять устроили?

– Мы давление мерили. – Начала оправдываться Мурена, убирая со стола тонометр и пластиковый контейнер с таблетками.

– Дышите. – Снова обратился к бледной Гале Николай, который зевал и почесывал свою шевелюру, стоящую дыбом после сна.

Мурена налила из графина воды и попыталась сунуть стакан в руки обмякшей подруги.

– Чаю ей крепкого завари. – Почему-то опять гаркнул медик на мать. – А вообще, лучше ей, конечно, домой пойти.

Все мы с тревогой смотрели на Галю, которая пыталась дышать, как и приказал ей врач.

– Как она домой пойдет? – Спросила удивленная Мурена. – А она идти может?

– Вы идти можете? – Повторил тот же самый вопрос Николай, глядя на Галю.

– Я...я...-начала заикаться она.-...мне плохо...я сейчас умру...помогите мне...

– Не умрете. – Опять громко рявкнул на нее медбрат. – Вставайте и марш домой!

От испуга Галя медленно встала со стула, поправляя свое узкое гипюровое платье. И сделала шаг в сторону двери.

– Выходим! – Поторопил ее Николай, беря под локоть и провожая к двери.

– Ее сопроводить? – Встрепенулась мать Николая.

– Зачем? – Грубо ответил он ей. – Сама дойдет. У тебя, кажется, концерт, вот и собирайся.

И сними бигуди.

Муж Мурены в это время пытался поухаживать за гостьей, подавая ей пальто и застегивая сапоги.

Не обращая внимания на всех нас, сын Мурены, ворча себе под нос, прошел на кухню, вытащил из холодильника бутылку водки, налил в стакан и залпом выпил его, не закусывая.

Потом отрыгнулся, прошел в свою комнату и, рухнув на диван, выругался на то, что его опять отвлекли ерундой.

– Пусть дома эти концерты закатывает. Достали все. – Пробормотал напоследок он.

Муж Мурены, увидев краем глаза, что в холодильнике есть водка, собирался тоже приложиться к бутылке. Но ушлая Мурена, почуяв его намерение, вытащила бутылку из холодильника и положила ее в свою сумочку.

– Не смей! – Рявкнула она на мужа. – Только с борщом. Сначала борщ свари. Дождись меня с концерта. И мы вместе оздоровимся.

– Но...мамуль...– Попытался клянчить муж...

– Я сказала "нет". – Снова зашипела Мурена, злобно сверкая глазами.

А потом накинула плащ, обула туфли и собиралась выйти в таком виде на улицу.

– А бигуди? – Предупредила ее я.

– В театре сниму. – Ответила она, приспособившая на голову свой яркий берет в виде блина.

Мы отправились на концерт, на который уже хорошо опоздали.

11. Как оказывать влияние на окружающих

Мы явились с Муреной в театр уже поздно и решили подождать антракт, спокойно сдавая верхнюю одежду в гардероб. Берет, под которым у моей коллеги были бигуди, она не сняла, аргументировав это тем, что на голове у настоящей женщины всегда должна быть либо прическа, либо шляпка.

Поскольку нормальную прическу, она вряд ли соорудит, то лучше берет, который она неловко взбила на голове, пытаясь уложить хаотично вырисовывающиеся бугры бигуди.

Мы прошли в буфет, так как до перерыва было еще достаточно времени, а просто сидеть в холле не хотелось, так же, как и протискиваться в темноте к своему месту.

Разумеется, за столиками не было никого, только буфетчица в ажурном белом кокошнике и таком же переднике выглядывала из-за стойки, готовая обслуживать посетителей.

Мурена начала возмущаться, что все безумно дорого.

– За какой-то там дохлый бутерброд с несвежей семгой, и то загнули. – Причитала она, рассматривая товар на витрине.

– Это почему же с несвежей рыбой? – Обиделась буфетчица. – У нас не бывает такого. Вот, кстати, наисвежайшие эклеры и булочки, пиццы и шоколадки.

– Еще какой-нибудь гастрит заработаешь от вашей закуски. – Фыркала Мурена, рассматривая яркую витрину.

– Тогда кофе возьмите или лимонад. – Посоветовала девушка за стойкой, не став спорить с покупательницей.

– Придется что-нибудь взять. – Кряхтела Мурена, доставая из дамской сумочки кошелек и заказывая те самые бутерброды, которые она обозвала дохлыми.

Рассчитавшись у кассы, мы прошли к столику. Мурена, запыхавшись и шумно отдвигая стул-кресло, плюхнулась в него, продолжая рыться в своей сумочке и доставая оттуда украдкой пластиковый стаканчик и собираясь налить в него водку из той бутылки, которую она отняла у мужа.

– Безобразие какое-то! – Закричала вдруг она на все кафе. – Чуть не подавилась вашими бутербродами. А если бы кость в горле застряла? Вы что творите?

Буфетчица испуганно заморгала, когда услышала вопль Мурены. Тут же откуда-то выскочил молодой человек, то ли администратор, то ли менеджер, который заговорил скороговоркой, пытаясь уговорить Мурену не затевать скандал.

– Среди бела дня честных и порядочных людей травят, да еще где, в приличном заведении! – Продолжала стенать моя сослуживица, довольная своим актерским талантом. И как бы невзначай роняя на стол из дамской сумочки свое красное служебное удостоверение, от вида которого менеджер в белой рубашке еще больше засуетился и несколько раз извинился.

И тут же предложил нам бутылку шампанского за счет заведения и фирменный салат. Очень вкусный, кстати. Отлично подойдет к сегодняшней премьере.

– Да кто же после такого оскорбления согласится на вчерашнюю закуску и вино с истекшим сроком действия? Помилуйте! – Продолжала вопить Мурена, вращая своими накрашенными глазами. – Минимум бутылку хорошего коньяку и коробку самых дорогих конфет. Минимум...

– Ну...э...как скажете... – Мычал молодой человек, пунцовый от неприятной ситуации.

– Что же это сразу с проверкой к вам нагрянуть? Не хотелось бы. – Продолжала давить на администратора Мурена, который и без того выглядел растерянным.

– Э... – Давайте уладим это досадное недоразумение...и... ну так какой коньяк вы предпочитаете? – Не мог взять себя в руки от волнения наш собеседник, поглядывая на дверь, в которую заходили люди, заполняя помещение и останавливаясь от любопытства.

– Вот придешь окультуриться, а тут тебя и угробят несвежими продуктами. – Продолжала плаксиво причитать Мурена. – Неужели вы хотите, чтобы мы вышли на уровень директора? Давайте так – вы сейчас быстро подсуетитесь, чтобы нам выдали контрамарку на все сезонные постановки.

– Аааа..эээ....Давайте тогда пройдем с вами в....-Залепетал ошарашенный администратор, пытаясь взять под локоть скандалистку и провожая ее в коридор.

Через несколько минут он по телефону звонил кому-то и пытался договориться на счет бесплатного абонеента на все спектакли и концерты для Мурены.

Но моя коллега выбила таким же шантажом билеты и для меня, хотя это было непринципиально, называя фамилию директора и обещая устроить сотрудникам внеплановую проверку.

В итоге и второй акт действия премьеры мы пропустили. Отчего мне было досадно и вообще неловко от того, что моя сослуживица снова воспользовалась своим служебным положением, угрожая фамилиями и рейдами.

Получив обещанное и пакет с подарками в придачу, Мурена, довольная тем, что не растеряла бульдожьё хватку, снова предложила вернуться в кафе.

Там она, уже никого не стесняясь, вытащила ту самую бутылку, разлив напиток уже не в пластиковые стаканы, а в рюмки, которые предусмотрительно принесла нам та самая буфетчица, которая не выглядела уже невозмутимой, как несколько часов назад, а, наоборот, по ней было видно, что она не дождался, когда же мы уберемся наконец-то восвояси.

Когда я начала отнекиваться от спиртного, Мурена зашипела на меня:

– Это не водка, а медицинский спирт. Неужели вы думаете, я буду вас угощать какой-то дрянью?

И тут же вытащила на закуску из сумочки кусок хорошей салями, требуя порезать колбасу и красиво разложить на тарелочке.

– Будем отдыхать культурно, а Булгакова интереснее читать, а не смотреть. – Подытожила она, залпом выпивая рюмку и поправляя свой берет, из-под которого торчали бигуди.

– А борщ? – Удивилась я, разочарованная тем, что придется пропустить спектакль (я была уверена, что мы идем на концерт).

– Одно другому не мешает. – Ответила Мурена, закусывая салями, которую принесла на тарелке буфетчица, красиво разложенную.

А потом сняла берет, сложила его в сумочку и начала вытаскивать бигуди из волос прямо за столик, складывая их аккуратно в пакет и взбивая свои локоны.

– Голова немного болит от тяжести. – Оправдалась Мурена, снова наливая в рюмки белую жидкость и вздыхая. И нисколько не стесняясь того, что наступил антракт и зрители начали заполнять пустующее помещение, уплетая пирожные и попивая кофе или коктейли.

– Ну как вы умудрились все это проверить? – Недоумевала я.

– Никакого плана. – Похвасталась довольная своей изобретательностью Мурена. – Только импровизация. Всегда мечтала себя попробовать в роли актрисы. Какая же скукота – эта служба. Но плюсы в ней все равно есть.

– Но откуда вы знаете директора театра? – Удивилась я.

– Да кто вам сказал эту чушь? – Ответила она. – Прочитала на сайте его фамилию и все. Никогда не была с ним знакома и не собиралась.

– Но вы так уверенно о нем говорили! – Снова удивилась я.

– Всегда нужно вести себя так, как будто у тебя полгорода влиятельных знакомых! – Подняла многозначительно палец вверх моя коллега. – А кто будет проверять?

И снова, громко икнув, стала наполнять рюмки спиртным, уже изрядно захмелев и откидываясь в мягком кресле.

12. Кто делает карьеру

При проверках моя коллега Мурена вела себя всегда точно так же, как и в обычной жизни. Импровизировала, как она выражалась. В этот раз нашим ревизором и председателем комиссии из вышестоящей организации оказался Кирилл Андреевич, молодой мужчина лет до тридцати, а то и моложе, выхолощенный, но без мундира, всегда подбирающий обувь под цвет рубашек или наоборот.

Сегодня он стоял возле груды папок, которые мы ему старательно разложили по номерам и датам и сверял с реестром. Одной, самой тонкой и важной, почему-то не оказалось.

А потому я начала покрываться потом от ужаса, чувствуя, что упаду в обморок от тревоги.

В это время Мурена, наоборот, как-то активизировалась, организовывая бутерброды и кофе. И даже откуда-то приперла серебряный поднос, чтобы встретить ребят из ревизионного отдела по-королевски.

И в то время, как другие пили валерьянку или коньяк, не зная, как бороться с сердцебиением и тремором, выглядела, наоборот, энергичной и даже веселой, предчувствуя, что сможет проявить себя во всей красе.

– У вас документов не хватает. – Строго сообщил ревизор, стоя прямо напротив зеркала и приглаживая свои волосы, которые итак идеально легли в дорогой стрижке.

– Да как же так? – Нашлась тут же Мурена. – Не может этого быть. Мне показалось, или сзади вас не совсем ровно подстригли?

Молодой щеголь, услышав, что с его имиджем что-то не так, забеспокоился, пытаюсь разглядеть изъяны в своем облике и продолжая прихорашиваться.

– Скорее всего, это тень так упала. И зеленые оттенки всегда делают нас неживыми и придают лицу болезненное выражение лица. – Снова намекнула она на рубашку цвета хаки и такой же зеленый костюм ревизора, загораживая своей массивной фигурой ему доступ к зеркалу. – Да вы, голубчик, прошли бы в коридор. Там трюмо, но со всех сторон себя можно увидеть. А, главное, свет настолько правильно берет свой угол, что даже я, бабка, выгляжу моложе.

Она легонько стала выводить остолбеневшего от замечаний Кирилла Андреевича в холл, беря его под локоть и пытаюсь снять с его костюма невидимые ворсинки:

– А это английская шерсть. – Заметила она, поглаживая рукав хорошего пиджака, пока ревизор, забыв о реестре и документах, растерянно и придиричиво рассматривал себя в зеркале.

– Так что с папкой? – Вдруг очнулся от гипноза Мурены он. – Шерсть с добавлением кашемира, между прочим.

– Ой. – Вдруг запричитала Мурена, – кажется, что-то мне нехорошо, помогите мне, наверное, это желудок.

Она стала тяжело дышать и затаскивать обратно в кабинет молодого человека, который любовался своим отражением в зеркале.

– Да что с вами? – Испугался он, пытаюсь поддержать ее под руку.

– Несварение. И понос. – Слабым голосом произнесла она и начала издавать характерные звуки, говорящие о том, что сейчас начнется рвота.

Кирилл Андреевич в ужасе отскочил от своей клиентки, бледнея и совершенно не зная, что предпринять.

В это время Мурена наклонилась к урне, стоящей рядом и, продолжая дышать и отрываться, произнесла:

– Кажется, сейчас начнется.

– Да...постойте...надо...Скорую вызовите кто-нибудь...– Срывающимся голосом произносит Кирилл Андреевич. – Вы как?

В это время, услышав возню за дверью, в наш кабинет начинает выстраиваться очередь из зевак даже из соседних отделов.

Кто-то открывает окно, несколько человек окружают Мурену, пытаясь ей помочь, остальные женщины причитают, делая предположение, что, скорее всего, это колбаса несвежая в бутербродах. И, слава Богу, что никто из проверяющих не согласился к ней прикоснуться.

Вот была бы неприятность!

От переживаний некоторая часть обывателей выходит на крыльцо запасного выхода покурить и снова обсуждают происшествие, забыв, что несколько минут назад тряслись от одного только слова "проверка".

Кирилл Андреевич, перенеся почти нервное потрясение, принимает решение перенести ответственное мероприятие на следующий день, поскольку время обеда, а потом уже и смысла нет никакого искать недочеты и несоответствия в бумагах.

Лучше стресс снять где-нибудь в торговом центре. Он интересуется, какие бренды есть в нашем городе.

Услышав это, Мурена, тут же приходит в себя и, стараясь, не выглядеть совсем здоровой, произносит:

– Кирюша, солнышко, вот немного оклимаюсь, и я вам покажу, где можно купить рубашки и галстуки по притяной цене. У меня все схвачено. А скидка будет вполне отличная.

– Между прочим, я – Кирилл Андреевич. – Поправляет ее заинтересованный в пополнении гардероба щеголь из суровой сибирской столицы. – Главное, поправляйтесь. Время обеда. Это уже на неделе. У нас командировка на три дня. Успеем.

– Ради вас, мой вы, котик, можно и здоровьем пренебречь. – Находится хитрая Мурена, совершенно ожив. – Кстати, я бы вам рекомендовала прекрасный ресторан. Кормят вполне сносно.

– Судя по вашему состоянию, нужно быть избирательнее в своих гастрономических пристрастиях. – Неуверенно отзывается Кирилл Андреевич, которого только что назвали "котиком".

– Все наисвежайшее. – Шепотом произносит Мурена, вращая своими вытарашенными миндалевидными глазами. – Лосятина, оленина, семга. А клюквенный соус – да это же боже-ственно! Вот прямо недалеко. Вы в какой гостинице остановились? Я могу вас прямо сопроводить. И стопку наливки подаю за счет заведения прекраснейшую!

Сглатывая слюну, ревизор, соглашается на предложение Мурены.

– Пожалуй, не мешало бы подкрепиться. – Произносит он. – А то все работаем и работаем.

– Себя не бережете. Ну куда это? Кто это оценит? Тьфу. – Поддерживает его Мурена, поглядывая на часы, которые висят на стене.

Все расходятся на обед, все еще обсуждая, где можно действительно вкусно перекусить и рекомендуя друг другу рестораны и харчевни.

– Как вы? – Спрашиваю я у Мурены.

– Прекрасно. – Отвечает она. – Завтра мне нужна будет машина и водитель. Я беру его на себя. Поедем по бутикам. Вы видели, как он побледнел от моих неуместных замечаний? Ночь сегодня спать не будет. А завтра обновит гардероб, вот увидите.

– Ну и артистка вы. – Начинаю смеяться я. – А где эта чертова папка?

– Да ее у нас никогда не было. – Шепотом отвечает Мурена. – Вот мне и пришлось снова импровизировать. А куда деваться?

– Разве? – Удивляюсь я.

– Пойдемте тоже поедем. – Предлагает Мурена. – Вся эта компания во главе с Кирюшей наверняка уже в ресторане. Нужно действовать! Их там можно брать голыми руками.

В это время в кабинет заходит встревоженный руководитель Павлик, который на период проверок всегда самоустранялся, но сегодня, узнав об утреннем переполохе, появился на работе.

– Что делать будем? И второй вопрос – как вы? – Спрашивает он у нас с Муреной.

– Это извечный вопрос, что делать и кто виноват? – Отвечает ему коллега. – И никто не нашел еще на него ответа. Несмотря на то, что чувствую я себя не важно, но соглашусь взять на себя этого Кирилла Андреевича. Сложный вариант, но работать с ним можно.

– Как мы будем выкручиваться теперь? Они взяли за нас конкретно! – Воскликает испуганный Павлик, который боится потерять должность.

– Дело дрянь, конечно. – Вздыхает моя сослуживица. – Если быть честными, то нарушений у нас больше, чем мы предполагали.

– Какого черта, а? – Злится Павлик, покрываясь потом. – Я уже обзвонил всех, но этиух...стервы....Накуролесили. А теперь в декрете сидят. А мне что делать? Хоть вы помогите.

– Надо сначала в руки себя взять. Раньше времени паниковать не стоит. – Успокаивает его Мурена. – Доверьтесь моему многолетнему опыту.

– Не дай Бог мне влепят выговор, – начинает угрожать нервный руководитель, – пеняйте на себя....

Он выходит из кабинета, хлопая дверью.

– Молодежь вся какая-то слишком возбудимая. – Вздыхает Мурена. – Мои сыновья один в один. Но ничего, будем и с этим материалом работать.

Забегая вперед, скажу, что проверка в тот раз обошлась справкой с мелкими нарушениями. Кирилл Андреевич вернулся домой с новой прической и с модным имиджем, благодаря стараниям Мурены.

Она снова пошла на повышение. И получила отличную премию за безупречную работу. Впрочем, я не помню ни одной истории, из которой бы эта хитрая бестия не извлекла бы пользу.

А Павлика все-таки уволили.....За несоответствие занимаемой должности. Не зря...

Вот Мурену бы руководителем...

13. Как могут украсть наше благополучие

В нашем коллективе вдруг появилась странная охранница, которая была не похожа на предыдущих пенсионеров, обычно в бывшем полицейских. Это была женщина довольно взрослая, но отчаянно молодящаяся, которая просила себя называть без отчества просто Клеопатрой, намекая на красоту царицы и свое сходство с ней.

Наша же Клеопатра пыталась успех своего кумира повторить, выкрасившись в платиновую блондинку и вставив огромную силиконовую грудь. И постоянно повторяя, что ее часто путают с внучкой, поскольку имела привычку таскать вещи из ее гардероба – коротенькие юбочки школьницы и прикольные джинсовые курточки с аниме, а также розовые толстовки со смешными надписями.

Впрочем, все цвета в гардеробе у этой странной женщины, которая в силу своей профессии вынуждена была носить оружие, были детскими, яркими, аляповатыми и часто назойливыми до безобразия.

А сама Клеопатра манерно сюсюкала, чтобы казаться моложе, но все равно было понятно, что перед вами обыкновенная бабка, сошедшая с ума в своем неумемном желании остановить года.

Шея нашей охранницы, как и руки, были морщинистыми, а колени подагрическими и костлявыми. И это отлично понимали даже мужчины, с которыми она отчаянно флиртowała, меняя любовников и надеясь среди них найти мужа. Который у нее когда-то был, но бросил ее ради ровесницы их дочери.

Клеопатра плела браслеты из бисера вместе со своей внучкой, слушала какую-нибудь Бузову в наушниках, каталась на роликах, неумело и смешно падала, но была позитивной или хотела такой казаться, хотя ее тощие ноги в морщинах и в колготках в вульгарную сетку иногда ей в этом отказывали, выдавая неожиданную боль в суставах.

Еще одним увлечением этой странной женщины было рисование каких-то символов в виде ярких мандал. Туда она сливала, как она говорила, свое плохое настроение и болезни. И как-то призналась мне, что у нее давно рак. И нужно торопиться жить – любить, снова выйти замуж и радоваться тому, что ты все еще сексуальна привлекательна.

Потом свои волосы Клеопатра заменила таким же белым париком под каре. А грудь обтянула короткими маечками неоновых расцветок. И нацепила такие же гольфы и кроссовки, поскольку нагрянуло вдруг лето.

А свои неумелые художества, нарисованные фломастерами в обычном альбоме, стала всем раздавать. Мне попался какой-то нелепый цветок, который коллега почему-то попыталась прицепить прямо над моим рабочим местом в кабинете, но я отказалась от ее подарка.

На что она демонстративно обиделась, высоко оценив свои творческие способности.

В цветке на белом листе бумаги было что-то зловещее, хотя, возможно, мне это только показалось. Сами ухаживания назойливой тетки были мне не симпатичны. И хотя, Клеопатра всегда делала мне комплименты, восторгаясь моей сочностью и полными ровными ногами, к которым как бы невзначай пыталась прикоснуться, интуитивно ее жесты у меня почему-то вызывали отторжение.

Потом Клеопатра восхищенно цокала языком, когда где-то видела меня вместе с мужем, повторяя, как мне повезло. И как гармонично мы смотримся вместе. И снова у меня было такое ощущение, как будто меня обливают липким горячим сиропом.

А когда я надевала новое платье, охранница снова осыпала меня комплиментами и пыталась пощупать ткань, из которого сшит наряд, а заодно опять меня потрогать и погладить по спине или по руке. Такая у нее была манера ко всем прикасаться, чего я категорически не выношу.

Я стала отчетливо понимать, что попытка вручить мне свои художественные произведения плохого качества, это способ так называемого якорения. То есть урвать, украсть у меня то, чего не было у нашей Клеопатры – молодости, здоровой энергии, полноты и личного благополучия.

И скинуть через предметы то, что ей мешало – неудачи в личной жизни, болезнь, которая ее пожирала, старость и неудобу.

Когда я сняла работы Клеопатры со стены и вынесла их подальше на помойку, она, обнаружив, что в моем кабинете нет больше его немого присутствия, вдруг перестала быть улыбчивой и доброжелательной, очень оскорбившись моим поступком. И устроила мне самый настоящий скандал со слезами и претензиями.

И весь коллектив, как ни странно, был на ее стороне, обвинив меня в мракобесии и черствости.

Но при этом я увидела, как несколько моих коллег тоже избавились от подарков нашей охранницы потихонечку.

Клеопатру из нашей организации перевели в какое-то другое подразделение, где работали в основном мужчины. Чего она очень не хотела, несмотря на то, что там у нее стало больше возможностей устроить свою личную жизнь.

Она по старой памяти приезжала к нам в офис с другого конца города, хотя маршрут был ей очень неудобен. И опять пыталась всучить нашим женщинам подарки в виде какого-то своего рукоделия или рисунков. И каждый раз проверяла, не избавились ли от ее вещи.

В конце-концов Клеопатра появляться в гостях у бывших коллег перестала, поскольку ей пришлось проходить длительное лечение в другом городе.

Однажды, прогуливаясь, я с ней снова столкнулась и ужаснулась тому, что передо мной стояла самая настоящая ведьма – изможденная, ужасно тощая и страшная в своем парике и с неестественной торчащей грудью.

И вновь Клеопатра изо всех сил стала расшаркиваться передо мной, завидуя моему сочному телу с формами, повторяя, что меня прямо так и хочется съесть.

Чего я опять испугалась и решила скорее исчезнуть из поля ее видимости, пока она снова не начала ощупывать меня своими костлявыми пальцами.

14. На что похоже счастье на пенсии

Моя приятельница Наталья Владимировна – удивительная женщина. Только она до сих пор продолжает приходить ко мне в гости без предупреждения, чтобы похвастаться теми процедурами, которые она с удовольствием экспериментирует на своей внешности.

Сегодня у нее новая грудь и свежий имидж, которые она может себе позволить, проматывая деньги от очередного наследства.

– Ну как я тебе? – Весело спрашивает она у меня, вваливаясь ко мне в квартиру и распространяя тяжелый и стойкий шлейф духов.

– Что за духи у вас? – Удивляюсь я, открывая форточку, чтобы избавиться от запаха гортензий, груши, мускуса, смешанного с табаком и еще черт знает чем.

– Очень дорогие и эксклюзивные. – Признается пенсионерка, выставляя свои худые ноги в бирюзовых ботфортах, расшитых бисером и снимая шубу из белой норки.

– Сапоги, конечно, у вас – огонь! – Восхищаюсь я.

– Нашла отличного сапожника, который шьет и расшивает обувь на заказ. Могу тебе рекомендовать! – Говорит довольная Владимировна, показывая аляповатый рисунок на цветной коже.

– И шуба! Опять в кредит взяли? – Удивляюсь я.

– Ну не в пуховиках же перед моим Юрочкой дефилировать! – Подчеркивает моя приятельница, проходя в гостиную и плюхаясь расслабленно на диван, удовлетворенная собой и жизнью.

И я замечаю огромный ее бюст, смотрящийся неуместно в комплекте с ее выпуклым животом и худыми ногами, которые она подчеркнула очень коротким платьем с декольте.

И лицо у моей знакомой то, которое мне трудно узнать. Нет в нем привычного выражения: опущенных уголков губ и глаз. А есть теперь блестящий, как будто надутый блин с круглыми щеками и маленькими лисьими глазами. И рот, огромный и неестественный, на этом пожившем лице.

– Вы, кажется с филлерами переборщили. – Осторожно замечаю я, включая чайник.

– Глупости! Этот небольшой отек пройдет. – Спорит со мной, как обычно, она, открывая холодильник и вытаскивая оттуда семгу и банку с икрой. – В моей сумке, кстати, бутылка отличного вина. Нужно жить так, как будто жизнь – это праздник.

– Я – пас. – Упираюсь я, подавая один бокал для гостя. – Но вы можете самостоятельно угоститься.

– Да что ты такая нудная! – Сетует Владимировна. – Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, тарам-папам-тарам-папам, на то оно и утро.

– Не люблю вино. – Не сдаюсь я. – Тем более по утрам.

– А что пьешь? Спирт? – Продолжает цитировать известные фразы пенсионерка, которая откупоривает бутылку очень ловко. – Ммм... мое любимое полусухое...

– От чая вы отказались, правильно я поняла? – Уточняю я, смеясь.

– Только вино... – Произносит Владимировна, выпивая бокал и наливая следующий. – Я ненадолго. За мной Юра заедет сейчас. Он в такси работает. Заказов меньше, потому что потеплело. Потом поедem в кафе посидим. Скоро же день влюбленных. Нужно еще подарок моему зайчику придумать.

– А он для вас придумал уже? – Уточняю я.

– Да он и сам как подарок! – Смеется моя приятельница, привычно опустошая бутылку белого полусухого. – Молодой. Красивый. Задорный. А мне что надо? Одна я бы со скуки померла. Вот ты, например, на сколько лет моложе меня, а ведешь себя, как затворница. Чего сидеть в четырех стенах? Пока муж на работе, ты раз – и нашла себе развлечение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.